

ДОМ на
СОЛНЕЧНОЙ
УЛИЦЕ

МОЖГАН
ГАЗИРАД

INSPIRIA

Москва
2024

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г13

Mojgan Ghazirad

The House on Sun Street

Copyright © Mojgan Ghazirad, 2023

This edition published by arrangement with The Jennifer Lyons
Literary Agency and Synopsis Literary Agency

Издательство благодарит Буковскую Александрина за по-
мощь в подготовке издания

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:
© aniana, Themerage / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Перевод с английского *Ирины Обаленской*

Литературный редактор *Людмила Иванова*

Газирад, Можган.

Г13 Дом на солнечной улице / Можган Газирад ;
[перевод с английского И. Обаленской]. — Мо-
сква : Эксмо, 2024. — 384 с.: ил.

ISBN 978-5-04-197807-5

Пока юная Можи сидела с сестрой в увитом вино-
градными лозами саду дедушки в Тегеране, слушая сказки
из «Тысячи и одной ночи», в стране назревала револю-
ция. Когда последний шах Ирана покинул страну, это
навсегда изменило ее жизнь — мучительные первые дни
революции, иммиграция в США, враждебность одно-
классников.

Но однажды ее семья вернется в постреволюцион-
ный Иран, и Можи будет учиться заново жить в родной
незнакомой стране. В новой школе она найдет подругу,
которая откроет для нее мир изъятых из библиотек
романов Толстого, Достоевского и Гоголя. С момента
погружения в запретные чтения, Можи начнет меняться,
осознавать себя и свой путь, в то время как неустойчи-
вый мир вокруг продолжит бурлить и ставить перед ней
новые вызовы.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Обаленская И., перевод на русский язык,
2024

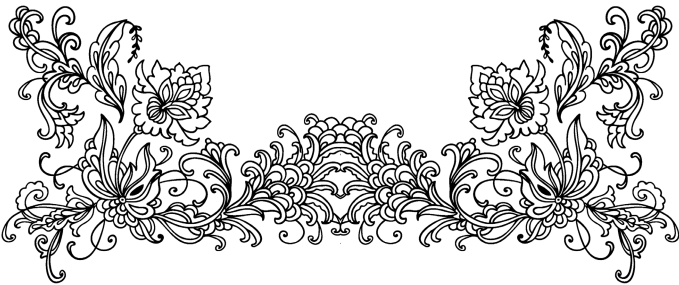
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-197807-5

*Моим родителям,
Нассеру и Шахин,
которые пережили ужасы
Иранской революции*

ЧАСТЬ 1

ВИНОГРАД НА КУФИ

А у царского визиря было две дочери: старшая – по имени Шахразада и младшая – по имени Дуньязада. Старшая читала книги, летописи и жития древних царей, и предания о минувших народах.

«Рассказ о царе Шахрияре и его брате»¹

Каждый раз, как мой дедушка ака-джун поворачивал голову, серебристые нити посверкивали на его куфи. На этой шапочке была тонкой вязью вышита виноградная лоза, и я следила за искоркой, взбирающейся по виноградинам и соскальзывающей по витым стеблям, зачарованная танцем света на его голове. Мне хотелось, чтобы он закончил беседу и обратил на меня внимание. Мне тогда было шесть лет, и я весь день старалась вести себя как полагается хорошей девочке и не топтала лю-

¹ Здесь и далее цитаты из «Тысяча и одной ночи» в переводе М. Салье. — *Примечания переводчика, если не указано иное.*

ДОМ НА СОЛНЕЧНОЙ УЛИЦЕ

бимые цветы ака-джуна, когда бегала за младшей сестренкой Мар-Мар во время игры в прятки. Тяжело было проявлять терпение, когда он обещал нам волшебный подарок.

Той ночью, в августе 1978-го, мы собрались в доме бабушки и дедушки на Солнечной улице. Дом стоял посреди огромного сада в центре Тегерана, по соседству с поместьем принца Голяма, младшего брата шаха Мохаммеда Реза Пехлеви. Мы сидели на деревянной тахте в саду — Мар-Мар рядом со мной теребила челку, слушая ака-джуна, отца и дядю Резу, пока те обсуждали шаха Ирана и охватившие страну волнения. Реза облил холодной водой раскаленную плитку, чтобы охладить террасу, а потом принес из подвала три тахты и накрыл их кашанскими коврами с узором из турецких огурцов. Лампы рассыпали золотистые огоньки по переплетенным на коврах цветам и оживляли искусственный сад. Бабушка Азра поставила пузатый самовар на березовый столик между тахтами и заварила чай в огромном чайнике на макушке самовара. Камарбарики на фарфоровых блюдечках сияли, когда она разливала чай и расставляла их на подносе. Маман и тети Лейла и Саба слушали разговор и передавали поднос членам семьи. Вода булькала в золотистом самоваре, и густой аромат черного чая с кардамоном плыл по воздуху, когда они пили и беседовали о событиях в стране.

Реза, высокий и худой, давно за двадцать, вслух читал «Кейхан». Он работал в стекольной мастерской ака-джуна и каждый день по дороге домой покупал вечернюю газету. На подбородке у него была жесткая щетина, а небесно-голубую рубашку

он застегнул до самого горла. Адамово яблоко подпрыгивало в гневе, когда он раздраженным голосом читал дрожащую в его руках газету.

— «Шесть сотен людей сожжены заживо в кинотеатре «Рекс» в Абадане. Триста семьдесят семь погибших, остальные в критическом состоянии. — Реза перевернул страницу и продолжил: — В руинах здания были найдены обожженные тела. «Мы почувствовали запах дыма, когда смотрели кино, — сообщил один из выживших репортеру в больнице. — Люди начали переговариваться, гадать, откуда идет дым. Несколько человек бросились к выходу, но двери были заперты снаружи. Люди бросились к дверям, кричали, ругались и расталкивали друг друга в попытке выбраться. Нас заперли. Кто-то хотел сжечь нас заживо!» Здание кинотеатра в результате пожара обрушилось. Обугленные двери были покрыты царапинами — несчастные жертвы бились в них, моля о пощаде».

— Ля иляха илля-Ллах! Кто мог так поступить с людьми? — сказал ака-джун, касаясь лба. Гладкая, блестящая кожа тянулась от кустистых бровей до самого затылка, где он приколот куфи к редким седым волосам. Эту белую куфи — маленькую круглую шапочку, которую носят некоторые мужчины-мусульмане, — он носил после совершения Хаджа.

— Эта династия тиранов пойдет на что угодно, чтобы остановить народную революцию. Чертовы убийцы! — сказал Реза. Он сложил газету и бросил ее на ковер.

Баба слушал новости, помешивая ложечкой чай в камарбарике. На читающего Резу он смотрел

стальным взглядом. Волосы над ушами у него начали седеть, но остальные короткие спутанные кудри оставались черными. Он брился двойным лезвием, и его лицо всегда было гладким.

— Слишком рано утверждать, кто в этом виновен, — сказал отец.

— Я слышал, что многие погибли в давке у дверей. Кто задумал такое чудовищное преступление? — сказал ака-джун.

— Возможно, те, кто хочет сильнее запутать ситуацию — фидайны, марксисты, «Моджахедин»¹ или «Хезб-е Туде»². Никто не знает, — сказал отец.

— Никто из тех, кто имеет отношение к восстанию, не совершил бы такого страшного преступления. Революция уже побеждает. Мы побеждаем! Шах доживает последние дни, — заявил Реза, обращаясь к отцу.

Отец молча закусил губу и не ответил. Он почесал шрам под левым ухом — нервная привычка, признак несогласия. Гладкий, бледный шрам был напоминанием о кожной инфекции, которую он подхватил в армейских бараках на ирано-ирак-

¹ Организация моджахедов иранского народа (Моджахедин-е Хальк) была создана в 1965 году студентами Тегеранского университета, недовольными шахским режимом. Выступала за создание в Иране социалистической республики, построение бесклассового общества, лишённого любых форм диктатуры и эксплуатации. — *Прим. ред.*

² Народная партия Ирана (Хезб-е Туде-йе Иран; сокращенно Туде) — марксистско-ленинская партия, действующая в Иране с 1941 года. Является преемницей Иранской коммунистической партии. — *Прим. ред.*

ской границе. Годы службы в армии в качестве высокопоставленного офицера выковали в нем святую веру в военную мощь шаха Мохаммеда Резы.

Я встала на тахте и наклонилась, чтобы поближе рассмотреть газету на ковре. Я с открытым ртом уставилась на обугленную женщину на первой странице. Ногти на пальцах, оставшихся нетронутыми на ее сожженной руке, были покрыты лаком. Она, должно быть, сломала ногти, отчаянно царапая и толкая дверь. В тот момент никто не обращал на меня внимания. Сердце заколотилось, когда я представила, как она бьется в дверь, кричит, молит о помощи, пока ревящее пламя пожирает ее тело.

Когда разговор затих, Азра слила воду, натекшую в миску под пузатым самоваром, и задула голубое пламя в его трубе через сетчатое отверстие. Белый дым поднялся по трубе самовара и растаял в воздухе. Мамán помогла Азре отнести самовар и чайный сервиз обратно на кухню. Лейла и Саба вынесли матрасы и подушки из комнаты для гостей, развернули матрасы на тахтах и застелили их белыми накрахмаленными простынями. Реза установил москитные сетки и удостоверился, что края всехпологов подоткнуты под матрасы.

Мы с Мар-Мар спали на средней тахте, рядом с матрасом ака-джуна и Азры. Полог цвета слоновой кости колыхался на прохладном ночном ветерке, и его кружевные вязаные цветы дрожали с нежным ветром. Мы опустили головы на пуховые подушки, устроились под тонким одеялом и нетерпеливо принялись ждать, когда вернется ака-джун. Он ушел в свою комнату за подарком.

ДОМ НА СОЛНЕЧНОЙ УЛИЦЕ

Что он собирался достать из глубокого темного чулана? Говорящую куклу, которую привез из паломничества в Мекку? Швейную машинку, которая работает без ручного колеса? Карту мира, которая расскажет что-то интересное о стране, когда мы ее коснемся? Ночь казалась слишком длинной для взволнованных девочек, которые ждали с самого раннего утра. Я смотрела, как звезды сверкают в чистом ночном небе Тегерана, надеясь, что безмятежность ночи успокоит меня. Хотя я и пыталась сосредоточиться на подарке ака-джуна, у меня не получалось выбросить из головы образ обугленной женщины, как она кричала и царапала дверь до самой последней минуты перед смертью.

Наконец, когда прошел, казалось, целый год, я услышала, как шуршат по бетонным плиткам кожаные тапки ака-джуна. Он вернулся с терме — особой вышитой тканью, в которую заворачивал важные вещи, — под мышкой, поднял сетку и на корточках проскользнул под полог. Он положил терме возле своей подушки и снова подоткнул кромку полога под матрас, чтобы за ним не последовали комары. Затем снял заколку, на которой держалась куфи, и убрал шапочку под подушку. Он бросил взгляд на Азру, которая уже крепко спала.

— Хотите послушать сказку? — спросил он тихим голосом.

— Да, — сказали мы.

Он положил терме на колени и развернул ее, обнаруживая старую толстую книгу. Это и был его волшебный подарок? Уголки коричневой кожаной обложки казались потрепанными, но корешок выглядел крепким и надежным. Спереди был портрет

девушки вполоборота. У нее были большие раскосые глаза и прямые черные волосы, сбегающие по плечам.

— Кто эта тетенька? — спросила я.

— Это Шахразада. Можи, если потерпишь, то услышишь ее историю. — Он прочистил горло и голосом, который заворожил мое сердце, рассказал историю Шахрияра, могучего царя Багдада. Отправившись в гости к брату в соседнюю страну, царь узнал, что его прекрасная царица предала его и переспала с одним из их рабов. Несчастный и разъяренный, по возвращении он убил царицу, пока та спала, и поклялся из мести каждую ночь брать в жены девушку, только чтобы убить ее наутро после свадьбы.

Сперва, когда ака-джун только начал рассказ, я подумала, что девушка на обложке была той царицей. Но по мере того как он плел кружево истории, я уверялась, что рисунок никак с ней не связан. Испуганные и запутавшиеся, мы с Мар-Мар сидели в обнимку на матрасе и слушали сказку.

— День за днем, — сказал ака-джун, — убивали девушек, пока в городе не осталось незамужних. У царя Шахрияра был визирь, у которого было две дочери по имени Шахразада и Дуньязада. Настало время визирю предложить своих дочерей царю.

— Ох, нет, — сказала я. — Их тоже убьют?

— Когда визирь рассказал об этом дочерям, Шахразада, старшая дочь, которая была очень умной и начитанной, уверила своего отца, что выйдет замуж за царя и обманом заставит его не убивать себя и свою сестру.

ДОМ НА СОЛНЕЧНОЙ УЛИЦЕ

— Каким обманом? — спросила Мар-Мар. Ее большие черные глаза были широко открыты и сияли в лунном свете.

— Шахразада рассказала сказку настолько захватывающую, что царь Шахрияр хотел следующей ночью услышать продолжение. Он позволил ей прожить еще одну ночь...

— Что это была за история, ака-джун?

— А остальное я расскажу завтра ночью. Вам пора спать. — Он заложил сложенный листок бумаги между страниц и снова обернул книгу в терме.

Мы вскочили с матраса, устроились у него на коленях и стали упрашивать его почитать нам еще немного. Он погладил нас обеих по голове, поцеловал волосы и уложил под одеяло. Он улегся сам и укрыл ноги белой простыней. Вскоре я услышала его храп. Мы с Мар-Мар устали на ночное небо Тегерана сквозь москитную сетку, зачарованные рассказом ака-джуна. Мы понятия не имели, что под теми же блестящими звездами вскоре разгорится революция.

Для меня ака-джун становился совсем другим человеком, когда снимал куфи, — странник превращался в старика, чей голос завладевал моими детскими снами. Каждый четверг и пятницу мы приходили в дом на Солнечной улице, а он читал нам с Мар-Мар «Тысячу и одну ночь». Я часто забывала, что он является рассказчиком, и его голос уносил меня в далекие города вроде Багдада, Дамаска или Басры, в порты, к которым я в своих фантазиях плыла на огромном корабле. Я представляла, что моя пуховая подушка — это судно,